

A close-up photograph of a grey and white tabby cat's face. The cat has striking green eyes and is wearing a red collar. The background is dark and out of focus.

ЛАРА МОСЕНКО

**НАТАШ, ТЫ
СПИШЬ?**

12+

Лара Мосенко

Наташ, ты спишь?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66828198

SelfPub; 2021

Аннотация

Все помнят известнейший фотомем о Наташе и котах? Давайте его оживим и расширим. Представьте, что под Новый год вам на голову валятся совсем не подарки. Судьба-злодейка превращает обычную Наташу в обладательницу старенькой квартиры, наследственного дара и шайки престранных котов.

Лара Мосенко

Наташ, ты спишь?

– Наташ, ты спишь?

– Уже шесть часов утра, Наташ.

– Вставай, мы там все уронили.

– Мы уронили вообще все, честно.

– Затк... заткни-и-итесь! – я перевернулась на спину и за-
жмурилась.

Ненавижу котов, говорящих – тем более. Ненавижу утро, ненавижу ранние пробуждения. Но могу ли я хоть что-нибудь с этим поделать? Вряд ли.

После первых отчетов о своей дьявольской природе меховые комки замолчали, и я насторожилась, разжмурила один глаз. В лицо мне уставились четыре усатые морды – желтые, зеленоватые и голубые глаза лениво помигивали, и в этом помигивании мерещилась неприкрытая издевка.

– Идите к черту, – процедила я. Раскрывать рот и то было в труд. Я хотела спать.

– Не надо так, Наташ, – серо-рыже-черная Пеструха дернула ухом. – Бабуля нас кормила...

– Нет больше бабули! – гаркнула я и к собственной досаде окончательно проснулась.

Да. Бабули не было. С ее похорон прошло целых две недели, и у меня до сих пор не получалось это целиком перева-

ритель.

– Мы скорбим не меньше, но хотим кушать, Наташ.

Рыжий встретил мой убийственный взгляд со спокойствием мехового удава.

Видите ли, чтобы сводить меня с ума своей болтовней, этим исчадиям ада не приходится раскрывать рот – к сожалению, их голоса влетают мне напрямик в мозг. Так работает бабушкино завещание и то, что мне досталось от нее помимо онога. Спасибо ей за это преогромное...

Я уткнулась локтями в матрас, подтянулась и оперлась на спинку кровати. Коты без спешки перегруппировались и, разбившись на пары, заняли свои посты по бокам от меня.

– Наташ?..

– Просто... – я выставила перед собой руку и закрыла глаза, – заткнитесь.

Помассировала припухшие от недосыпа веки. Полночи я, как последняя размазня, прорыдала и отключилась только к утру.

Потому что ба умерла. Умерла, оставив мне свою однокомнатную квартиру на отшибе города, свой дар и четырех волшебных котов. Впечатляющий набор, я знаю. Благодаря такому флэш-роялю я успела до смерти перепугать родителей, пожалуй, навсегда перейти в статус брошенок и лишиться работы.

– На...

– Ш-ш-ш-ш! Заткнитесь-заткнитесь-заткнитесь!

Я знаю, я понимаю, что они волшебные, ясно? Как-то же я их слышу. Но смириться с этим настолько, чтобы принимать как само собой разумеющееся, пока не могу.

Подтянув колени к груди, я уперлась в них лбом и пробубнила:

– Что вы там еще уронили?

Меховые черти почти наверняка переглянулись.

– Все, Наташ. Как обычно.

– Зачем?

– Это в нашей природе, Наташ, это в нашей природе.

– Зато говорить – совсем не в вашей природе, – я подняла голову и не сразу выбрала, на кого уставиться. Белуха и ее голубоглазый брат-близнец синхронно умывались. Пеструха пялилась на меня янтарными зенками, Рыжий снисходительно жмурился.

– Я разве не права?

– Технически, Наташ, мы с тобой не разговариваем, – Белуха покосилась на Пеструху. – Верно? Мы общаемся телепатически.

Я застонала и выползла из кровати. Беляш мяукнул, кубарем скатившись на пол с выдернутого из-под него одеяла.

– Даже не надейтесь! – я прошлепала напрямиком в ванную, проигнорировав заунывное: «Ната-а-а-аш...».

Да-да, я кошмарный, ужасный, бессердечный человек, и котовьи идолопоклонники разорвали бы меня на клочки за нежелание идти на поводу у хвостатых. Но какое мне дело

до котовьих идолопоклонников и всего остального мира? Он безо всякого на то спроса повесил на меня заботу об этих бесполезных, наглых, неблагодарных кусках шерсти.

Я дернула рычаг пробкового крана, залезла в ванну и, прикрыв пекущие веки, сосредоточилась на благодном ощущении – горячая вода обволакивала тело, на душе легчало.

От этого наследства только вред, никакой пользы. Корми, убирай, прислуживай. И если хотите знать, два часа назад шерстяные ироды уже выдергивали меня из постели ради завтрака. Пусть мне достались говорящие коты, по наглости и эгоистичности они ничем не отличались от обыкновенных.

Вот, говорят, горячая ванна с утра – это фу. Мол, утро – время душа, желательно контрастного. Сегодня из-за очередной слишком ранней побудки в отместку мирозданию я организовала одиночную акцию протеста и безо всяких угрызений совести валялась в горячей ванне, сдувая с пены радужные пузыри.

Прости, бабуль, но долгожданное тепло высушило последние слезы и жаловаться на судьбу расхотелось. В унаследованной квартире помимо выводка шерстяных иждивенцев обнаружилась другая неприятность – шалящее отопление. Старые чугунные батареи порядком засорились и грели из рук вон плохо. Из высохших, потрескавшихся рам дуло, а я всю последнюю неделю занималась тем, что склеивала себя, – до квартиры руки пока не доходили.

Хотя, как выяснилось, даже в таком плачевном состоянии ее могли с этими самыми руками оторвать. На второй день после похорон явился сосед по лестничной клетке с намерением выкупить жилплощадь «хоть сейчас» и выразительно косился на мои чемоданы в углу, словно сигнализируя, дабы я собирала вещички. Он пустился в приторные разъяснения, мол, покупка послужит благому делу – квартира моей ба станет продуктовым магазином. Первый этаж, выход на улицу, ведущую от жилых кварталов к автобусной остановке, – в общем, местные только об этом магазине и мечтают.

Не продам этому пузану даже ржавой щеколды с двери бабулиной ванной. Потому что в этой квартирке я не раз мирно засыпала под осенний дождь, отсюда сбегала летом ловить кузнечиков на пустырь и замороженно следила, как бабуля устраивает в гостиной с эркерчиком пушистую елку...

Господи, как давно это было... Тогда я еще не знала, кто такая моя ба, и в доме у нее не водились говорящие коты.

Продуктовый магазин! Я расплющила пенную шапку и чихнула, когда разлетевшиеся пузыри защекотали нос.

Но, вот, другие визитеры, наведавшиеся пару дней назад... Строгие, немногословные брюнеты в странных костюмах. Пожалуй, визит парочки в нарядах из позапрошлого века впервые принудил меня задуматься, как опасно жить в квартирке с хлипкой дверью и дребезжащими стеклами на первом этаже дома на отшибе.

Брюнеты чудно крутили головами, будто кого-то выискивали, и без предисловий поинтересовались, не планирую ли я продавать котов.

Я даже сейчас нахмурилась.

Мои резонные расспросы, к чему им эти конкретные коты и откуда они вообще о них знают, остались без ответа. С надеждой на скорую новую встречу и мой положительный ответ жуткие визитеры испарились. Я спросила у котов, кому они так понадобились, на что мне ответили:

– Понятия не имеем. Забей, Наташ.

И, может быть, я действительно «забила» бы, будь моя бабуля и ее коты обычными.

Продать квартиру и мохнатых иродов, обзавестись финансами, пока не подыщу новую работу – все это, конечно, заманчиво. Но что-то внутри шептало: «Денег ты не увидишь». Сосед виделся мне прожженным аферюгой, люди в костюмах – маньяками.

Я погладила пальцем ноги хромированный гусак крана и устроила сморщившуюся пятку на бортике ванны. Не бывать мне с таким подходом богачкой. Соображения выгоды упорно не желали выпячиваться на первое место. И, честно сказать, я почему-то не особенно об этом сожалела. Наверное, я из этих, как их, идеалистов...

Дремать я не планировала, но горячая вода убаюкала. Впрочем, это досадное упущение исправили коты. Легкий укус за щиколотку прошел током, я дернулась и ойкнула. Бе-

ляш сидел на корзине для грязного белья и следил за мной круглыми голубыми глазами.

– Ты пропала, Наташ. Мы пришли тебя спасать.

Рыжий поставил лапы на бортик и слизнул с него капли воды:

– Засыпать в горячей ванне опасно.

Я окунулась в воду по подбородок и зыркнула на вторую парочку, торчавшую в проходе. Белуха прищурила зеленые глаза:

– Мы просто тебя охраняем, Наташ.

Я фыркнула. От пенной шапки оторвался белоснежный клочок и приземлился мне на нос:

– Меня? А не себя ли? От опасности остаться голодными.

– Зря ты так, Наташ.

– Как вы открыли дверь, ироды?

– Это наша квартира, – Пеструха лизнула свою роскошную манишку. – Вылезай, Наташ, покорми нас.

Я вздохнула, выкарабкалась из ванной и, завернувшись в полотенце, пошлепала на кухню. Коты потрусили следом.

Завтрак, разбор захламленной кладовки и уборка всего, что уронили мохнатые черти, заняла куда больше времени, чем я надеялась, и вымотала меня сильнее, чем я рассчитывала.

Да, конечно, сегодня 31-е, а значит, праздник и все такое, но можно в этом году я пропущу? Все-таки недавние похо-

роны, вынужденный режим строгой экономии и общий упадок сил, вроде бы, уважительные причины.

Но таковыми они виделись исключительно мне. В обед хвостатый квартет пожаловал на кухню составить мне компанию, и теперь все четверо взирали на меня с откровенной укоризной.

– Что? – я звякнула вилкой о тарелку и вытащила из навесного шкафчика коробку. – Вот ваш корм.

– Но мы не хотим корма, Наташ.

Я так и застыла с коробкой в руке.

– Прошу прощения?..

Белуха шлепнулась на пушистый зад и почесала за ухом:

– Вообще-то Новый год к нам мчится...

– Праздник к нам приходит, Наташ.

Да вы издеваетесь!

– У меня нет денег на праздники, – я выдернула из-под обшарпанного диванчика миски, насыпала в них корм, залила молоком. – Жрите, ваши благородия, и отстаньте от меня хотя бы сегодня.

Коты переглянулись.

– Так не пойдет, Наташ. Даже ведьмы празднуют Новый год.

– Не смейте так меня называть, – прошипела я, подняв палец. – Не смейте.

– Но это факты, Наташ, – Рыжий зажмурился, и в его голосе мне чудилась усмешка. – Бабуля все тебе передала, не

только квартиру.

Да-да, я помню. Я помню, что я ведьма, ладно? Я помню!

– Наташ, покорми нас прилично, и мы отстанем.

– Обещаем. В честь праздника, Наташ.

Под парой сапог и восемью парами лап похрустывал снег. Сдаюсь, у этих котов таки был один плюс – они гадили на улице и, когда нужно, держались рядом.

Я по-прежнему не собиралась праздновать. Куплю им каких-нибудь обрезков и колбасы себе на бутерброды. Вот и весь наш Новый год.

Свернув в зажатый между сонными «панельками» переулочек, я шагала, уткнув нос в шарф и следя за семенившими рядом котами. Пожалуй, так и прошагала бы до самого магазина, если бы выход из переулка не преградили страстные любители котов, с которыми я познакомилась пару дней назад.

– С Наступающим, Наталья.

Я вытаращилась на укутанных в длинные пальто брюнетов и машинально брякнула:

– И вас.

– Подумали над нашим предложением?

Брови сами собой поползли вверх:

– Серьезно? И что, лучшего места для подобных разговоров не найти?

Мужчины переглянулись. Правый брюнет пожал плечами:

– Время не терпит. Мы решили вас поторопить. И, к нашей большой удаче, вы вышли нам навстречу.

Ну конечно, чистая удача.

Я опустила взгляд на окруживших меня котов – все четверо подняли хвосты и застыли, следя за незнакомцами.

– Ничего бредовее не слышала, но разбираться как-то недосуг. Коты не продаются.

– О-о-о, так мы тебе дороги, Наташ? – промурчали снизу.

– Заткнитесь, – прошипела я сквозь зубы. – Это ради бабушки.

С чего бы еще я стала защищать этих усатых чудовищ?

– Боюсь, тогда у нас нет выбора, – вздохнул левый брюнет и пошагал ко мне. – Эти коты особенные и очень нам нужны.

Я попятилась.

– Эй! Что еще за угрозы?

Правый брюнет последовал за левым, не спуская глаз с котов.

– Не подходите! – орала я. – Закричу!

– Нам, правда, очень жаль, – в словах правого как будто и впрямь сквозило сожаление. – Передавайте привет бабушке.

Левый брюнет вскинул руки, сложил их домиком и вывернул ладонями ко мне – в грудь будто током шарахнуло. Я охнула, поперхнулась воздухом и сложилась пополам. Что за...

Коты выгнули спины, зашипели.

– Самое время вспомнить, чему учила бабуля, Наташ!

Я кое-как выпрямилась и заморгала – от сдавившей реб-

ра боли навернулись слезы. Ничему она меня не учила! За день до смерти позвала в спальню, схватила за руку и ткнула пальцем в ладонь: «Тут оно, тут!» Вот тебе и весь урок.

Или...

Я, как последняя идиотка, повертела ладонью перед глазами.

Брюнеты приближались. Я обливалась потом, ребра ломило, по щекам катились слезы. Что-то вибрировало в груди и горле, руки будто сами подпрыгнули вверх. Я выставила ладони перед собой и гаркнула:

– Прочь!

Тело занялось невидимым огнем, перед глазами сверкнуло, я зажмурилась. Ох.

– Браво, Наташ!

Я открыла глаза – брюнеты валялись без чувств в ближайших сугробах. От переулка по дорожке, голося, убежал какой-то мужик.

Задышалось легче. Я потрясла руками, сгоняя с пальцев странное онемение.

Что это было? Что это было? Что это бы-ы-ы-ыло?!

Я ошалело повертела головой, и мы с котами, не сговариваясь, дали деру.

Не думаю, что происходившее дальше поддавалось логическому объяснению, потому что мы поскакали не домой, а в магазин.

Затариваться после чертовщины в переулке оказалось,

скажу я вам, занимательным опытом – адреналин бурлил, удерживая меня на тонкой грани между паникой и радостной истерикой. Ребра ныли.

Я, возбужденно тараторя о чем-то с продавцами, нагребла в бакалейном отделе салатов и закусок, а дожидавшимся снаружи котам – свежего мяса, и мы помчались домой так, будто спасались бегством, не оплатив покупки. Стресс действует на ведьм удивительным образом.

Телевизор в гостиной уютно тарыхтел, на столе вольготно разлеглись магазинные «деликатесы». Коты терпеливо ждали, пока я наполню миски.

– Интересно, что имели в виду эти хамы, когда говорили, что вы особенные?

Все четверо посмотрели на меня, как на душевнобольную:

– Шутишь, Наташ?

Я поморщилась:

– Речь не о вашей болтливости.

– Понятия не имеем.

– Где-то я это уже слышала. Врете, мохнатые задницы.

Коты не удостоили меня ответом и склонились над мисками. Я отошла к окну, на улице валил снег.

Грудную клетку снова сдавило, да так, что я согнулась и охнула.

Все-таки достали?..

Ноги плавилась, мир закачался, и я принялась оседать на

пол, как в осточертевшем киношном слоу-мо.

Таки достали...

Сердце затрепыхалось. Жизнь толчками выкатывала из тела, скручивая мышцы судорогой. Натужный вдох, выдох...

Последнее, что я услышала:

– Наташ?..

Последнее, что я подумала: «Как же без меня теперь коты?..»

Ну что ж, бабуля, встречай. Прости, что не смогла как следует присмотреть за твоими животинами.

Я рухнула на пол, выбивая последний воздух из легких, и меня окутала темнота.

Веки пекло, в затылок будто кол вогнали. Но я дышала. Я, черт возьми, дышала! Хотя ведь точно умерла. В грудную клетку кто-то невидимый тоненькой струйкой возвращал драгоценную жизнь.

Открывать глаза боялась. Так и лежала, с опаской втягивая и выпуская воздух. Отяжелевшее тело со всех сторон давило на меня, скукожившуюся где-то в центре солнечного сплетения.

Запястья коснулась мягкая лапа, по щеке прошелся шершавый язык, и я таки разлепила веки. Надо мной склонились четыре усатые морды с круглыми немигающими глазами.

– Умереть надумала, Наташ?

– Не время, Наташ, Новый год же.

– Вставай, мы тебя воскресили.

– Мы тебя воскресили, Наташ, честно.